

Характер христианской благотворительности

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Х20

Х20 Характер христианской благотворительности / – М.: Книга по Требованию,
2025. – 124 с.

ISBN 978-5-519-92157-2

ISBN 978-5-519-92157-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

ГЛАВА I.

Самое великое въ мірѣ.

Широка наша жизнь; разнообразенъ кругъ человѣческой дѣятельности, занятій, думъ, стремлений и желаній; самыми разнообразными оттѣнками блещетъ запасъ нашей умственной зрѣлости; пестро искрятся личныя черты характера каждаго изъ насъ. Но какъ бы далеко ни отстояли мы другъ отъ друга по складу своихъ мыслей, по различію индивидуальныхъ характерныхъ чертъ: всѣхъ насъ объединяетъ одно общее звено, дающее каждому право считать себя членомъ человечества, человекомъ, существомъ духовнымъ и разумнымъ, предназначен-

нымъ стремиться къ болѣе или менѣе ясно представляемой цѣли. Вопросъ о цѣли жизни объединяетъ всѣхъ, и всякій человѣкъ—насколько онъ есть существо мыслящее—всегда, во всякомъ возрастѣ живетъ не только прошедшимъ и настоящимъ, но и будущимъ, или, по крайней мѣрѣ, сознаётъ, что его настоящее служить подготовленіемъ къ ближайшему будущему, и такимъ образомъ онъ всегда имѣетъ впереди себя цѣль.

Не одинаковою для всѣхъ представляется цѣль нынѣшняго бытія, равно какъ не всѣ одинаково понимаютъ высшее благо въ здѣшнемъ мірѣ. Кто въ древнемъ и новомъ мірѣ не задавался и теперь еще не задается вопросомъ: „въ чемъ высшее счастье?“, и сколь разнообразны получаемые отвѣты на этотъ общій для всѣхъ временъ вопросъ! Подобно тому какъ громаднаго радіуса колесо, слитое изъ многоразличныхъ металловъ, проникаетъ всѣ нанизанныя на его окружность малыя кольца, являясь не для всѣхъ одинаковымъ по своимъ элементамъ: такъ вопросъ о высшемъ благѣ, хотя и общъ всѣмъ намъ по своей темѣ, однако вызываетъ въ умахъ отдѣльныхъ лицъ не одинъ и тотъ же отвѣтъ, но массу отвѣтовъ различныхъ окрасокъ, оттѣнки которыхъ, правда, часто совпадаютъ.

Не стоить разбирать тѣ взгляды, по которымъ высшее благо поставляется въ богатствѣ и внѣшнихъ удобствахъ. Оставимъ въ сторонѣ даже и

тотъ взглядъ, по которому его думаютъ найти въ знаніи, умѣ, этомъ преимущественномъ качествѣ человѣка. Ничто изъ этого не можетъ быть признано за высшее благо, ибо не удовлетворяетъ человѣка, какъ существа духовнаго: первыя — нисколько, какъ предметы матеріальные; послѣднее же чѣмъ шире развивается, тѣмъ глубже раскрывается предъ нимъ пропасть невѣдомой еще человѣку области, передъ которой все пріобрѣтенное знаніе обращается въ ничто, заставляя умъ замолкнуть, сказавъ сократовское „я знаю только то, что ничего не знаю“. И высокій умъ богословствующаго апостола Павла, этого Аристотеля христіанскаго міра, высказываетъ ту-же истину: „мы отчасти знаемъ“ и „знаніе упразднится“ (1 Кор. 13, 8—9). А упраздняющееся, какъ непостоянное и имѣющее конецъ, не можетъ быть высшимъ благомъ, которое, какъ и конечная цѣль, должно быть одинаково для всѣхъ людей, созданныхъ общимъ Творцомъ для одной и той же цѣли, „по образу Своему, образу Божію“ (Быт. 1, 27). Къ тому же, „знаніе надмеваетъ“ (1 Кор. 8, 1), а надменность и гордость, конечно, не могутъ располагать занять мѣсто высшаго блага.

Что же въ качествѣ высшаго блага можетъ объединить и дѣйствительно объединяетъ насъ на землѣ? Что, постоянно стоя впереди насъ, служить цѣлью всѣхъ поколѣній, изъ рода въ родъ? Очевидно, что такое постоянство во времени мо-

жетъ быть приписываемо только одному Создателю времени, Самому Богу. Онъ—цѣль, Онъ—высшее благо. Такое совпаденіе не случайно, и высшее благо на землѣ у разумно-нравственныхъ существъ непремѣнно совпадаетъ съ конечною цѣлью ихъ существованія. Земная жизнь со всѣмъ ея содержаніемъ, а потому и съ высшимъ благомъ, служить средствомъ къ наслѣдію цѣли—вѣчной жизни въ Богѣ. Средства-же по большей части бываютъ ниже цѣли. Потому мы могли бы предположить, что высшее благо въ сей жизни, какъ часть ея содержанія, само, какъ и жизнь, ниже нашей цѣли. Однако, на самомъ дѣлѣ не такъ. Высшее благо есть именно высшее, т. е. такое, къ которому всѣ остальные блага относятся, какъ правильная дробь къ единицѣ или, по крайней мѣрѣ, какъ равное къ равному. Какъ благо высшее, оно не можетъ быть меньше цѣли, которая—разумѣется—тоже блага есть, но, будучи слугою цѣли, оно и не выше ея: „рабъ не больше господина“ и „ученикъ не выше учителя“ (Іоан. 13, 16; 15, 20; Матѹ. 10, 24). Справедливыя вообще, эти изреченія въ особенности приложимы здѣсь, гдѣ подъ господиномъ, или цѣлью, разумѣется Высочайшее Существо; и высшее благо, такъ образъ, отождествляется съ цѣлью: оно есть Богъ.

Какъ скороходъ, поставившій себѣ цѣлью достигъ предмета желаній, постоянно предносящагося ему во время его бѣга, не останавливается, чтобы

сорвать попадающіеся на пути цвѣты, а иногда даже безъ разбора попираетъ ихъ, и, устремивъ все вниманіе на цѣль, выбираетъ только то, что можетъ содѣйствовать ея достиженію—гладкія и просторныя дорожки: такъ и бѣгущая скорыми шагами жизнь человѣка, встрѣчая при пути блага, должна выбирать изъ нихъ, какъ высоко цѣнныя, лишь тѣ, которыя сродны съ ея цѣлью и чрезъ это приближаютъ къ ней человѣка, позволяя уже здѣсь на землѣ отчасти наслаждаться ею.

Достигать цѣли мы можемъ чрезъ разрѣшеніе задачи совершенствованія въ тѣхъ задаткахъ, которые сообщены намъ въ благодатныхъ дарахъ Святаго Духа. Не періодически и не урывками, не до какого-либо опредѣленнаго момента въ жизни должно производиться это совершенствованіе, но постоянно, въ теченіе всей жизни или, по крайней мѣрѣ, во весь остатокъ ея: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Матѣ. 5, 48), а Его Божественныя свойства безмѣрно велики, приобщиться имъ мы можемъ съ большими усиліями и то лишь при помощи Сына Божія и при содѣйствіи благодати Св. Духа. Эта трудность совершенствованія не говоритъ еще о невозможности его; Давшій сію заповѣдь, конечно, зналъ, что она выполнима для человѣчества, и мы съ своей стороны должны неуклонно стремиться къ духовно-нравственному росту, уповая на Зако-

нодателя, сдѣлавшагося человекомъ, чтобы человеку дать возможность уподобиться своему Идеалу—Богу.

Стремясь къ Идеалу, мы должны запастись надежными свѣдѣніями о Его свойствахъ, чтобы къ нимъ примѣрять въ теченіе всей жизни дѣятельныя силы души. Священное Писаніе рисуетъ отдѣльныя черты и свойства Существа Божія, называя Его благимъ¹, вѣчнымъ², святымъ³, щедрымъ и милостивымъ⁴; изображаетъ Его всевѣдѣніе⁵, правосудіе⁶, вездѣсущіе⁷, всемогущество⁸; но всѣ опредѣленія выражаются прилагательными, напр.: „благъ и правъ Господь“ (Пс. 24, 8), кромѣ двухъ, выраженныхъ чрезъ существительныя: „Богъ есть Духъ“ и „Богъ есть любовь“ (Іоан. 4, 24, 1 Іоан. 4, 8, 16). Понятіе духа слишкомъ широко: оно не только шире другихъ божественныхъ свойствъ, но и включаетъ всѣ остальные, существующія „не одно внѣ другого, но одно въ тѣсной органической связи съ другимъ,— можно даже сказать: одно въ другомъ; иного и быть не можетъ въ живой Личности“⁹. На этомъ основаніи богословскія системы не такъ и обращаются съ предикатомъ Духъ, какъ съ прочими свойствами Божиими, а, опредѣливъ существо Божіе какъ

¹ Пс. 24, 8; 33, 8; Мтѣ. 19, 17, и др. ² Римл. 14, 25. ³ Іоан. 17, 11; Марк. 1, 24, и др. ⁴ Пс. 102, 8; 110, 4, и др. ⁵ 1 Іоан. 3, 20; Римл. 11, 33. ⁶ Пс. 10, 7; Римл. 2, 6 и 11. ⁷ Пс. 138, 7—12. ⁸ Пс. 32, 9; Лук. 1, 37. ⁹ Консп. лекцій проф. А. Л. Кантаскаго, 1892/3 г.

Духъ, характеризуютъ Его затѣмъ опредѣленіями, на вопросъ: какой Духъ? Такъ преосвященный Филаретъ говоритъ: „Богъ есть Духъ вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседозволенный, всеблаженный“¹⁰.

Другое существительное, которымъ опредѣляется Богъ, есть любовь: „Богъ любви есть“. Если Богъ—наша цѣль, если въ исканіи Его и въ Немъ самомъ—наше высшее благо, Онъ же есть Любовь, то—по простому выводу отсюда—любовь есть идеаль, одухотворяющій нашу здѣшнюю, земную жизнь и приготовляющій ее къ удобному наслѣдію жизни вѣчной, въ которой предстоитъ наслажденіе любовью прямо изъ Источника Любви, изъ Самого Сущаго. Три глубокознаменательныхъ слова: Богъ есть любовь становятся еще болѣе знаменательными въ такомъ сочетаніи: любовь есть Богъ. Дѣлать такую перестановку главныхъ членовъ предложенія безо всякаго опосредствованія въ любомъ предложеніи нельзя, не нарушая правилъ логики. Однако, въ вышеприведенномъ изреченіи мы имѣемъ на это право на слѣдующемъ основаніи: св. Іоаннъ, сказавъ, что Богъ есть любовь, продолжаетъ: „и пребывающій въ любви въ Богѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“ (1 Іоан. 4, 16), иначе сказать:

¹⁰ „Простр. Катихиз.“ М. 1878 г. стр. 21.

кто въ любви, тотъ въ Богѣ, въ комъ любовь, въ томъ Богъ. Ясно, что любовь и есть Богъ. „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, гласить и народное при-
словіе.

ГЛАВА II.

Превосходство любви надъ вѣрою. .

Итакъ, высшее благо, самое великое въ мірѣ есть любовь; такъ оно опредѣлилось положительнымъ путемъ. Но при господствующемъ духѣ времени, когда „большинство отвѣчаетъ, что для религіознаго человѣка выше всего вѣра“ ¹¹, не будетъ излишнимъ и отрицательнымъ путемъ показать, что высшее благо заключается въ любви. „Мы свыкли съ мыслью, что вѣрѣ принадлежитъ первое мѣсто. Но это не совсѣмъ такъ: Одною вѣрою цѣль не достигается. Ап. Павелъ въ началѣ 13-ой главы перваго посланія къ Коринѣянамъ говоритъ о вѣрѣ: „и если имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а любви не имѣю, то я—ничто“. Слѣдовательно, нисколько не теряя изъ вида вѣры, онъ противопоставляетъ её любви. „А теперь пребываютъ вѣра, надежда, любовь: сіи три“, говоритъ онъ и тутъ же, не колеблясь, рѣшаетъ: „но любовь

¹¹ Н. Drummond: „The greatest in the world“ въ переводѣ Долгова, М 1892 г. стр. 11.

изъ нихъ больше“ ¹². „Почему любовь больше вѣры? Потому что цѣль важнѣе пути къ ней. Любовь больше вѣры, ибо цѣль важнѣе средствъ къ ней. Для чего нужна вѣра? Она соединяетъ душу съ Богомъ. А зачѣмъ ей соединеніе съ Богомъ? Затѣмъ, чтобы она уподоблялась Богу; а Богъ есть любовь. Очевидно, что любовь больше вѣры“ ¹³.

Надо-ли еще послѣ этого говорить, что любовь выше знанія? выше дара пророчествъ? Пусть та же глава апостольскаго посланія дастъ намъ и на это отвѣтъ. „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а любви не имѣю, то я ничто“ (1 Кор. 13, 1—2). „Любовь даже выше милосердія и благотворительности, потому что цѣлое больше своей части. Благотвореніе есть лишь небольшая часть любви, одно изъ разнообразныхъ явленій любви. Любовь благотворитъ, но не всякое благотвореніе (еще) есть любовь“ ¹⁴. „Если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“ (1 Кор. 13, 3).

¹² ibidem. ¹³ ib. стр. 14. ¹⁴ ibidem.

Если любовь выше вѣры, то какъ понять слова Спасителя о вѣрѣ, когда Онъ говоритъ, напр.: „держай, дочь! вѣра твоя спасла тебя; иди въ мирѣ“ (Лук. 9, 48) или: „встань, иди, вѣра твоя спасла тебя“ (Лук. 17, 19)¹⁵. Тутъ ничего не говорится о любви, но объ одной вѣрѣ; не выше ли потому вѣра, нежели любовь? Въ данныхъ примѣрахъ, правда, говорится объ исцѣленіи внѣшнемъ, а не внутреннемъ, не о спасеніи душевномъ; но есть въ Св. Писаніи и такія мѣста, гдѣ вѣра же рекомендуется и для вѣчнаго спасенія. Посылая учениковъ на апостольскую проповѣдь, Христосъ говоритъ: „кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Марк. 16, 16). Какъ же это понять?

Совершенно вѣрно, что въ приведенныхъ мѣстахъ съ внѣшней стороны ни однимъ словомъ не упоминается о высшей христіанской добродѣтели, по которой узнаются истинные послѣдователи Христа (разумѣю любовь: Іоан. 13, 35); но въ вопросѣ: что выше любовь или вѣра? надо хорошо разяснить эти два понятія. Вѣра бываетъ двоякая: вѣра созерцательная и вѣра дѣятельная, иначе: теоретическая и практическая; первая предшествуетъ второй, послѣдняя предполагаетъ первую. Первымъ моментомъ въ откровенной религіи будетъ требо-

¹⁵ и другіе, напр. Лук. 7, 50.